

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

Шамиль Алтамиров

**МЕТРО 2033:
СТЕПНОЙ ДРАКОН**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А52

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи – Дмитрий Глуховский
Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин

*Оформление обложки – Вячеслав Люлько
Карта – Леонид Добкач*

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Алтамиров, Шамиль Рамазанович.
А52 Метро 2033: Степной дракон: [фантастический роман] / Шамиль
Алтамиров. – Москва : Издательство АСТ, 2017. – 368 с. (Вселенная
метро 2033)

ISBN 978-5-17-102220-4

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – пол-миллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Испокон веков по просторам степи ходила страшная легенда о древнем проклятии – чудовищном драконе Айдахаре, сеющем зло и страдания. И вот теперь это страшное имя вновь звучит на земле, опаленной Последней Войной. Ревет атомное сердце, брызжет обжигающей свинцовой кровью, скрежещет сталью чешуя огромного лязгающего тела. И исчезают одно за другим поселения выживших. Но нашлись двое смельчаков, которые не устрашились зла и отправились в погоню за чудовищем через пыльное раздолье и заброшенные города Казахстана. Один – в поисках отмщения, другой – ради спасения единственного родного человека...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102220-4

© Глуховский Д.А., 2017
© Алтамиров Ш., 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ПЕРЕЧИТАЙ!

Объяснительная записка

Вячеслава Бакулина

Привет, всем, кто еще с нами!

Как и любой другой редактор, да еще и сам не чуждый сочинительству, я с полным основанием могу считать себя профессиональным читателем. Чтение для меня — не только удовольствие, но каждодневная обязанность и насущная необходимость. Но помимо чтения новых книг — в процессе их подготовки, или уже подготовленных кем-то иным — я время от времени берусь за читанное уже когда-то давно. Иногда — опять же, что называется, по служебной надобности, но зачастую — просто так.

Хотя нет, вру. Не просто.

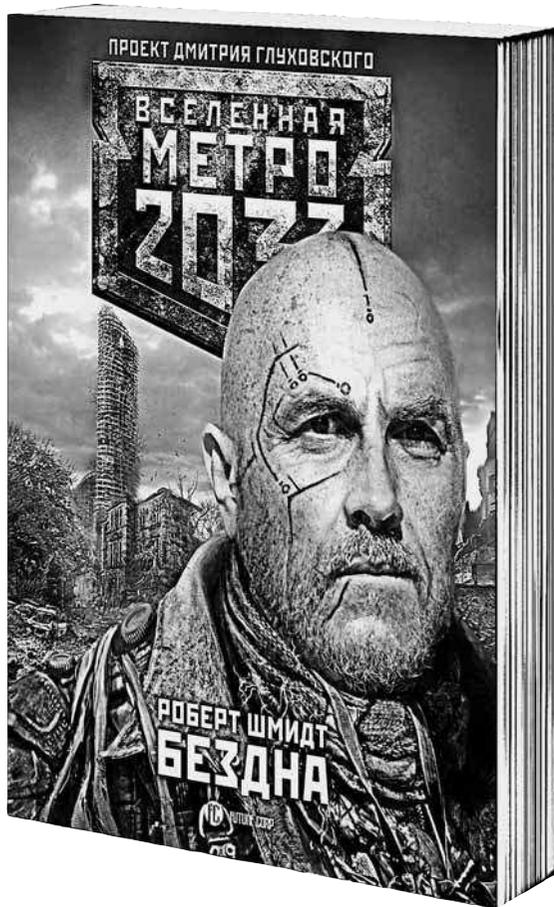
Перечитывать — насквозь или выборочно — знакомые тексты очень и очень полезно. Особенно, если с момента первого знакомства с ними прошло относительно много времени. Особенно если тексты эти когда-то были любимы, приятны и вообще всячески милы. (Впрочем, если они были массово любимы, приятны и всячески милы многим другим читателям, а вам вот, что называется, не зашли, — это как бы даже не полезнее.) Потому что такое чтение время спустя помимо ностальгии по старым добрым временам показывает, насколько вы изменились. Стали тоньше чувствовать и лучше понимать — себя и других. Приобрели опыт и улучшили вкус. Помимо увлекательного сюжета или переживаний персонажа, созвучных лично вам на данном жизненном отрезке, научились ценить яркость — в образе, точность — в слове, мудрость — в не-

досказанности. Стали получать особый кайф, отыскивая раскавыченные цитаты и отсылки разной степени завуалированности к давно минувшему и происходящему у вас на глазах. Перешли со стадии развлечения на стадию увлечения, а потом — и обучения. Ведь действительно хороший художественный текст может дать человеку несоизмеримо больше, чем самый продвинутый учебник или полный справочник.

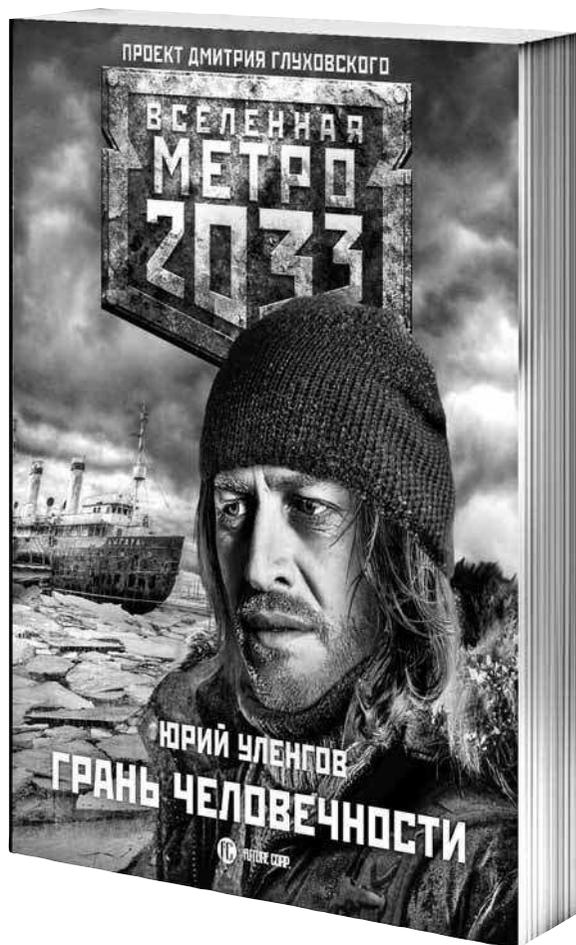
Разумеется, бывает и так, что после подобного «повторного» знакомства с книгой она освобождает место на вашей полке. Об этом не стоит жалеть. Во-первых, всему свое время, и книгам — в том числе. Во-вторых, идеала, абсолюта, совершенства в мире нет и быть не может. Наконец, в-третьих, не забывайте: человек меняется всегда, каждый день на протяжении всей его жизни. А человек разумный отличается тем, что стремится меняться в лучшую сторону. И книги — отличный показатель этих изменений.

Приятного вам чтения, друзья!

Сегодня — и каждый раз — как впервые!

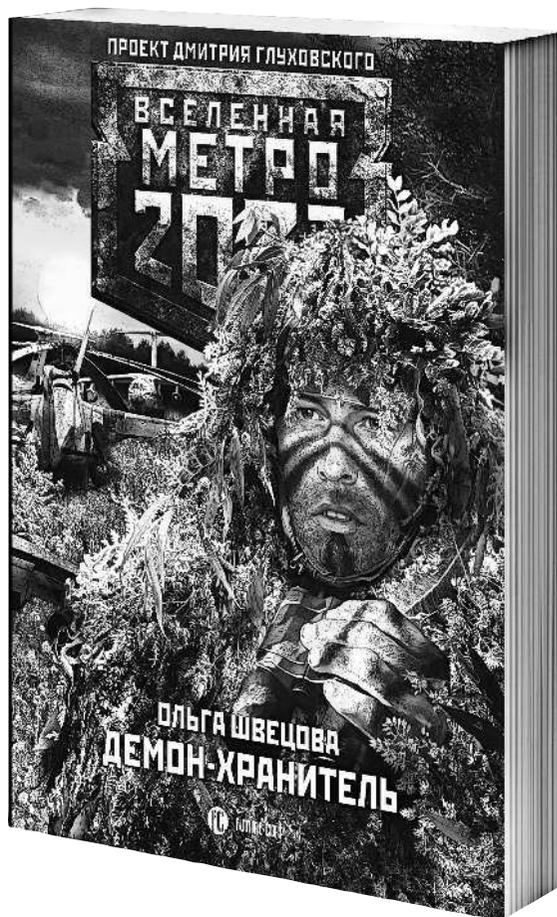
Имя, данное ему при рождении, он забыл. Имя, под которым он был известен когда-то, лучше не вспоминать. Ныне его знают как Учителя. В мире, где больше нет места любви, жалости, искренности — ничему человеческому, он старается жить по-людски. Читить справедливый кодекс анклава, воспитывать сына, заниматься с детьми в школе. Иногда приходят страшные воспоминания, но ненадолго. И все же наступает время, когда темное прошлое, которое он так хотел забыть и искупить, снова требует крови. И он бежит по грязным подземным тоннелям и зараженным улицам Вроцлава. Но разве от прошлого убежишь?..

Сквозь снег и мороз, через постыдную тайгу и безмолвные, пустующие города. По снегу и льду Байкала туда, куда влечет тебя собственное безумие. В Иркутск. Пройти по краю, постоянно балансируя на тонкой грани человечности. Переступить ее, когда нужно быть зверем, — чтобы победить тех, кто давно перестал быть людьми. Взять верх над природой, врагами и самим собой. Чтобы выжить. Чтобы спасти тех, в чьем существовании не уверен. Чтобы понять, осталось ли в тебе самом что-то от человека или зверь, проснувшийся семнадцать лет назад, — безраздельный хозяин твоего сознания.

Они не начинали эту войну. Они не были к ней готовы. Не бойцы, у которых за плечами служба в «горячих точках» или хотя бы армейская «срочка». Не выживальщики. Не ученые и даже не люди рабочих профессий. Всего лишь студенты-гуманитарии и несколько их преподавателей, чудом спасшиеся в день Катастрофы. Вчерашние дети, вполне безоблачное «вчера» которых в один момент обернулось страшным «сегодня» и совершенно непредсказуемым «завтра». И все же, они не сдались, даже оказавшись в полной изоляции. Только вот беда никогда не приходит одна: тайна, которую двадцать лет хранит заместитель начальника бункера Марина Алексеева, в любой момент может превратить кошмарный сон в реальность...

В мире после Великой Катастрофы все реже встречаются ангелы, а вот в их антиподах нехватки нет. Найденный в подмосковном лесу чужак — тоже не исключение из правил. Он хитер, дерзок, жесток, бесстрашен и почти аморален. Он ни в грош не ставит человеческую жизнь и способен на все ради достижения своей цели. К тому же, бывшему Привратнику Алексею Колмогорову нечего терять — он уже ступил в долину смертной тени и не боится зла. Впрочем, не потому ли, что он сам — зло? Но отчего тогда за спиной этого демона-хранителя становится спокойнее и исчезает страх?

ПРОЛОГ

Очаг мерно чадил белым дымом, который тут же уносило в дыру в потолке. Хозяин юрты в отблесках пламени не казался живым человеком, скорее восковым мертвецом, фарфоровой куклой, его кожа жирно блестела, отражая свет. Он сидел на кошме, поджав под себя сухие ноги, время, от времени добавляя нотки ароматного самсада к кислой вони кизяка — горящего навоза.

— Слушай балам, запоминай, — нарушил молчание хозяин юрты. — Сейчас такое время, когда старики вроде меня снова нужны, мы знаем многое... Давным-давно, когда Великая война только отгремела, Сталин был еще жив, в нашу степь приехали люди. Их было много, много было и техники, а военнопленных и того больше. Стройка, балам¹. Понимаешь? — хозяин выдохнул дымом.

Собеседник молча кивнул. Пока он понимал мало, но хозяину жилища перечить было бы не уважительно.

— В тысяча девятьсот сорок девятом году в двухстах километрах от Семипалатинска заложили объект. Большой стране, ослабленной войной, требовалось мощное оружие, это был ядерный полигон, — старик глубоко затянулся, поперхнулся дымом, закашлялся, отхлебнул чая с молоком из пиалы и продолжил:

— Но на полигоне испытывали не только бомбы, оборудования и денег было слишком много. А техника?! Ты, когда-нибудь, слышал про АСКВ-50? О-о... это гигантские машины-вездеходы с

¹ Бала — в переводе с казахского языка, «ребенок». В данном случае можно понимать как обращение старшего к младшему «сынок».

ядерным реактором вместо мотора! Прикрытие, балам. Сам объект «Москва 400» являлся строжайшей государственной тайной, но она прикрывала секрет иного толка. Больше двух сотен ядерных взрывов не скроешь от целой планеты, — старик огладил жидкую бороду, покосившись на затухающий очаг. Молодой собеседник, поняв без слов, подкинул в огонь плитки сухого навоза.

— Я был ребенком, мой отец тогда работал с самим Курчатовым. Отец любил рассказывать, а я слушать, что мне еще оставалось? — старик зашелся сухим смехом. — В нашем доме часто собирались коллеги отца: молодые, амбициозные, скорее похожие на Грушевских бардов, чем на физиков-ядерщиков. Так вот, под каждый ядерный заряд бурили шахты разной глубины. Шахтой больше или шахтой меньше, кто заметит? Никто. Где-то там секретная база, часть проекта «Мертвая рука», в окрестностях полигона. Отчего «Мертвая рука»? Американцы громкое название дали со страху. По-русски же это был обычный и непримечательный «Периметр». Что там творилось, не известно. А те, кому было известно, уже не расскажут, да-а... — старик задумался.

— Вначале девяностых Семипалатинский полигон закрыли, а после развала СССР базу и проект законсервировали — это все, что мне известно, балам.

Молчавший все это время собеседник, огладив бороду, с трудом встал с кошмяного пола и поклонился.

— Мерхат-ага... рахмет за информацию. И правда, сейчас то самое время, когда старики нужны как никогда.

— Басмач, — окликнул старик гостя, когда тот поднял кошмянной полог юрты, чтобы выйти. — У гидры много голов, сколько ни руби, появятся еще — запомни это, балам!

Басмач пристально посмотрел в безглазое, покрытое желваками из плоти и кости лицо старика:

— Я запомню, Мерхат-ага, — и вышел из юрты.

* * *

Назар метался в бреду, жар лихорадки сжигал его изнутри, а kloчочущий кашель рвал легкие, до хруста выгибая ребра. Майя меняла тут же высыхающие тряпки на голове брата, но это слабо

помогало, температура не сходила. Лекаря в стойбище пастухов как назло не оказалось, ушел в соседний поселок.

— Майка, — прохрипел Назар, задыхаясь, — воды... — Девушка промокнула лицо брата мокрым платком, подхватила уже опустевшее низкое ведро и выпорхнула из землянки на улицу за свежей водой. В открывшуюся на мгновение щелястую дверь незаметно для Майки тут же проникла серая тень с горящими глазами. Неслышно скользнула, цокая когтями по настилу, и нависла над больным. Глаза в полутемной камерке светились желтым; черный со шрамами нос шумно втянул запах мечущегося в бреду человека. Пасть, украшенная рядами острейших клыков, чуть приоткрылась и... красный язык лизнул подбородок.

— А-а... Бес... — Назар снова забулькал легкими. — Обессиленная рука ткнулась в пустоту, волк тут же подставил лобастую голову под ладонь, довольно заворчал.

— Бес, дружище... ты береги Майку если что, — Назар, глядя невидящими глазами в потолок, обращался к свирепому зверю как к брату. — Нет у нее больше никого... — Бес глухо рыкнул и заскулил. Рука вяло потрепала волка по ушам и упала.

Стены землянки задрожали, с потолка посыпалась труха, с улицы донесся рокот. Бес зарычал, рванулся было к выходу, замер, на полушаге обернувшись на лежащего, будто запоминая, и, выбив грудью дверь, унесся в ночь.

Первый огненный шар упал точно между вышек дозорных, превращая ворота поселка в пыль. Второй и третий с воем пронесли по небу, врезавшись в дом старосты. В стойбище началась паника, жители заметались среди горящих домишек. Те немногие, что выполняли роль охраны, пытались навести хоть какой-то порядок, организуя оборону, но без толку: страх оказывался сильнее.

Земля под ногами дрожала, громогласный рев, пробиравший до самых костей, все приближался к поселению пастухов. Грохот затих. Тишину ночи нарушал лишь чей-то плач и треск горящих в огне хижин да хриплые команды старшины, собиравшего свое малочисленное войско. В сотне метров от стены в небо ударили две огненные струи, выхватывая из тьмы орду уродливых тварей. Они

молча стояли перед воротами, будто чего-то ожидая, как вдруг разом сорвались и нескончаемым потоком хлынули в поселок, оцетинившись отточенной сталью. Вновь заревело.

Свист кровожадных сабель слился в единую песнь. Защелкали выстрелы. Кровь лилась рекой. Смерть, сторбившись, бродила среди низкорослых мазанок, время от времени указывая костлявым пальцем то на плешивого чабана с ржавым револьвером, так не вовремя давшим осечку, то на крепкого молодца с молотом на длинной цепи — местного кузнеца. На него Смерть, хрустя костяшками, указывала дважды, и дважды волна молчаливых убийц разбивалась об него под свист раскручиваемого молота.

На помощь ковалю пришел тощий как жердь ногай с вислыми усами. Две сабли злыми змеями зашипели в его руках, высекая искры о сталь нападавших. Новой ошибки ночные убийцы не совершили и два тела — широкоплечее и сухое — тут же подняли на копьях. Кровь пропитала землю и воздух, в темное молчаливое небо уносились мириады искр и десятки душ.

Майка, спрятавшись у колодца в дальнем углу стойбища, тихо рыдала, прижимая к тонкой груди низкое деревянное ведерко. Хлопки выстрелов, крики умирающих, и хруст разрубаемой плоти ввинчивались в мозг даже через плотно прижатые ладони. Она не была рождена воином, Майка была акробаткой, их бродячий цирк заехал в стойбище переночевать под защитой стены, хлипкой, слепленной из абы чего, но все же...

Но стена не защитила.

Девушка осторожно выглянула из-за кирпичного кольца колодца: черные тени в свете пожара метались по стойбищу. Сгорбленные, с уродливыми головами с торчащими в стороны рогами существа выбивали двери домов, выволакивая наружу визжащих женщин и плачущих детей. Что делалось дальше, Майка не смотрела, просто зажмурилась, а когда открыла глаза, то... сердце пропустило удар: двое приближались к ее укрытию.

Горбатые, кривые на один бок, шумно дышащие, появились у колодца. Майка сжалась в комок, прячась в тени. Крепкая рука схватила ее за волосы, выволакивая на свет. Девушка забилась в крике, зовя брата на помощь, задрывала ногами, оторвавшимися

от земли, и описалась, от боли и страха. Черное лицо довольно заухало, держа Майку за волосы на весу.

Серая молния бесшумно метнулась из-за сарая. Сотня килограммов стальных мышц и кинжальной остроты зубов сшибла черное чудище с ног. Мгновение, и, скрежеща о сталь, клыки перекусили шею, молчаливый убийца забулькал кровью из разорванной трахеи, но умер так же молча. Второй оказался умнее: прикрывшись девушкой, потихоньку попятился к свету пожарища, держа саблю наготове.

Бес не рычал, он молча смотрел врагу в глаза — волка не пугали оружие и сила, он выжидал момент. Напружинив мощные лапы, Бес прыгнул. Сбив собой и Майку и нападавшего, волк перекатился по земле и вцепился зубами в руку, сжимавшую саблю. Наруч не помог молчаливому убийце, мощные челюсти без труда прожевали вываренную в масле кожу и кости. Удар палицей отшвырнул волка. Десяток бойцов в черных доспехах окружили раненого, помогая тому подняться. Когда визжащую Майку потащили волоком, Бес попытался подняться, но не смог. Лежа на примятой траве, в кизяке и собственной крови, волк скулил от бессилия, глядя вслед уходящей орде и длинной веренице связанных между собой женщин и детей.